

Из русских летописей и других источников, писал Мармонтель, известно, что наиболее человеколюбивые правители России так или иначе сознавали важность соблюдения общественного договора, особенно Петр, предоставивший простым людям возможность своими заслугами достигать видных степеней в государстве; но кичливое наследственное дворянство свело на нет его усилия.²⁵ Крестьяне — класс, «питающий и обогащающий государство» а между тем законы «доводят земледельца до отчаяния», земля же принадлежит «самым праздным, самым бесполезным и самым презренным людям».²⁶ Жестокосердие этих людей не знает пределов; «гордость наследственного деспотизма сделала их нечувствительными к призыву возмущенной и страждущей природы, к человеческим слезам». Непомерно большую дань, взимаемую с крестьянина, помещик приносит «в жертву прихоти и тщеславия»; помещик «держит у себя в услужении целую свору праздных людей и плоды, получаемые им с деревень, с прямым убытком для государства идут на то, чтобы кормить всю эту свору угодников и развлекателей господина».²⁷ Крестьяне задают себе горестный вопрос: «На кого мы работаем? — Что поможет нам сберечь накопленное добро? — Угнетатель уже сторожит свою добычу. То мало, что мы могли бы получить, будет у нас отнято».²⁸

Далее следует гневное обращение Мармонтеля к русским помещикам, могущее напомнить близкие ему по стилю тирады героя-рассказчика в «Путешествии». Дворянин счастлив в «праве угнетать себе подобных»; «он перестает быть человеком, и именно его нужно посадить на цепь». «Собственность, говорите вы, предполагает свободу распоряжаться ею; я же владею рабами. — Жестокосердые! и что же вы вольны сделать с ними? Лишить их жизни? Но тогда вы тигры. Отнять имущество? Тогда вы бандиты. Посягнуть на целомудрие и невинность их жен и дочерей? Тогда вы подлые и гнусные растлители».

Мармонтель обращался к помещикам с увещанием: «Опомнитесь, жестокосердые и высокомерные, народ, который вместо вас на плечах несет все тяготы жизни, глубоко сокрыв свои страдания и слезы, требует лишь, чтобы вы отдали ему ваши из

²⁵ Там же, с. 49—50. Подобная мысль в сходных и близких выражениях встречается и в «Путешествии» («Хотиллов»): «Известно вам из деяний отцов ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвизаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоглавному сему злу. Но державные их подвиги утцетилися, известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем, чиновостоянием, но ныне обетшавым и в презрение впавшим, дворянством наследственным» (I, 312—313).

²⁶ Discours en faveur..., р. 56, 59. Мы воспользовались и отрывочными переводами из «Рассуждения», приведенными М. Т. Белявским в его статье «Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766—1768 гг.)», с. 41—50.

²⁷ Discours en faveur..., р. 67.

²⁸ Там же.